
УДК 393.05

КАРЧАГИН Е.В.* СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ. (Обзор).

DOI: 10.31249/rsoc/2021.03.05

Аннотация. В обзоре представлено описание содержания русскоязычных публикаций по проблеме советской погребальной обрядности. Показано, как эта проблема соотносится с исследовательским полем death studies. Для обзора отобраны статьи, которые направлены на исследования не традиционной похоронной обрядности, а на специфические советские или гибридные формы, которые эта обрядность приобрела в эпоху СССР.

Ключевые слова: советская обрядность; похороны; погребальная обрядность; советская погребальная обрядность; death studies.

KARCHAGIN E.V. Social studies of Soviet burial rites. (Literature review).

Abstract. The review describes the content of Russian publications on the problem of Soviet funeral rites. It is shown how this problem belongs to the general academic field of death studies. For the review, we have selected articles aimed at studying not traditional funeral rites, but specific Soviet or hybrid forms that this rite acquired during the Soviet era.

Keywords: Soviet rite; funeral; funeral rite; Soviet funeral rite; death studies.

* © Карчагин Е.В., 2021

Карчагин Евгений Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и психологии Волгоградского государственного технического университета. E-mail: evkarchagin@gmail.com

Для цитирования: Карчагин Е.В. Социальные исследования советской погребальной обрядности. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 3. – С. 56– 67. DOI: 10.31249/rsoc/2021.03.05

Проблематика социальных исследований советской погребальной обрядности является частью области, имеющей в международном масштабе обозначение *death studies*. К числу классических исследований этой области относят две работы: переводное издание «Смерть и правая рука» Роберта Герца [Герц, 2019], объединяющее тексты автора 1907 и 1909 гг., и книгу «Человек перед лицом смерти» Филиппа Арьеса, вышедшую в 1977 г. [Арьес, 1992]. *Death studies* касается самых разных вопросов и аспектов, в том числе экзистенциальных, биологических, институциональных, обращается к разным эпохам и странам. В частности, Р. Антониус выделил следующие блоки в рамках новейшей антропологии смерти: смерть и умирание; скорбь, горе, траур; погребальные обряды. Современные исследователи занимаются как классическими темами и сюжетами: «представлениями о смерти и покойниках, погребальных традициях и практиках оплакивания, а также магией и демонологией», так и новыми вопросами, к которым относятся прежде всего «проблемы медицинской антропологии» [Антониус, 2016, с. 235].

Некоторые из этих тем и направлений давно изучаются в отечественной науке, в основном в этнографии. В последние годы активизировалось и расширилось освоение и других новых для отечественной научной традиции тем¹. Особый вклад в эти процессы сделал антрополог С. Мохов благодаря изданию журнала «Археология русской смерти» и трем своим популярным монографиям [Мохов, 2018; Мохов, 2020; Мохов, 2021].

В этом тексте представлен реферативный обзор научных публикаций 2010–2019 гг., посвященных советской погребальной обрядности. Выбранная фокусировка предполагает несколько уточнений. Прежде всего, хронологическое: здесь рассматривают-

¹ См. о связи российских исследований и западной антропологии: [Кан, Мохов, 2015], о некоторых причинах непопулярности тематики *death studies* в России: [Еремеева, 2015]. Отметим также антологию философских текстов, посвященных проблеме смерти: [Русская философия смерти, 2016].

ся работы, касающиеся только советского периода. Соответственно, довольно хорошо разработанная проблематика дореволюционной похоронной обрядности, например народов Сибири [Мифология смерти, 2007], и постсоветских практик останется в стороне. То же касается и различных аспектов традиционной похоронной обрядности: начиная от работ фундаментального плана с захватом архаического индоевропейского материала [Исследования в области ..., 1990] и разбором славянской погребальной культуры [Седакова, 2004] и заканчивая исследованиями традиционных представлений о посмертной участи души [Мороз, 2016] и других аспектов [Байбурун, 2001]. Таким образом, главное ограничение обзора – тематическое, поскольку акцент сделан на советских формах обрядности, на тех чистых советских или гибридных формах, которые эта обрядность приобрела в советское время.

Статья В.Н. Лексина – попытка сделать обзор русской смерти вообще, затронув темы в том числе экономики и инфраструктуры; он ставит целью ответить на вопросы: «от чего умирают и как хоронят в современной России» [Лексин, 2010, с. 125]. Автор приводит важную информацию о правилах обустройства кладбищ: «Действовавшие в СССР правила устанавливали, что кладбище не может располагаться ближе, чем 300 метров от жилых и общественных зданий, что его территория определяется из расчета 1,2 га на 10 тыс. жителей, что не менее 20% территории кладбищ должны занимать зеленые насаждения, что должны соблюдаться строжайшие санитарно-эпидемиологические требования и т.д.» [там же, с. 146]. Один из вопросов статьи сохраняет свою актуальность и спустя десятилетие: «Почему в крупных книжных магазинах можно найти десятки книг о том, как стать богатым, счастливым, физически здоровым, женатым, красивым и т.п., но нет ни одной светской книги о том, как достойно умереть?» [там же]. Утверждение Лексина, что: «В России (и не только в ней) говорить, думать и помнить о смерти не принято» [там же], – сейчас выглядит уже не столь обоснованным, так как в последнее десятилетие она получила немалую долю внимания (хотя, конечно, смерть остается сложной темой для обсуждения).

Статья О.Ю. Бойцовой написана на материале любительских посмертных фотографий: «они являются частью похоронно-поминальной обрядности» [Бойцова, 2010, с. 331]. Автор указывает, что

такая фотография не нацелена на отражение индивидуальной биографии: «она на самом деле регистрирует общее и служит для вписывания индивидуального жизненного пути в “правильный” сценарий» [Бойцова, 2010, с. 332]. Ценность этой статьи состоит в детальном анализе «канона» нормативных сюжетов и деталей помертных фотографий. Ключевой деталью является направление взгляда людей, обозначающего смысловую доминанту: «...с середины XX в. в каноне похоронной фотографии окончательно утверждается взгляд не в объектив, а на лицо покойного. <...> Фотографируясь у свежей могилы, люди также могут смотреть на нее (на крест или памятник или туда, где памятник будет установлен, т.е. где находится изголовье гроба), а не в объектив» [там же, с. 336]. Фиксация скорбных эмоций не является при этом нормативным действием [там же, с. 338]. Иногда в сельской местности и при профессиональной съемке в городах могут сниматься разные этапы похорон, включая процессию, «однако помертный портрет покойного в гробу и “каноническая” групповая фотография для носителей культуры все-таки важнее снимков собственно обряда» [там же, с. 340]. Автор в своих выводах отмечает отличия отечественной и западной традиций помертных фото: «Отсутствие в России распространенного в Западной Европе и Америке в XIX – начале XX в. обычая фотографировать мертвых как живых может быть связано с православной культурой в России, а отсутствие снимков позирующих на фоне гроба людей – с меньшим упором на индивидуальность в нашей культуре: главным в похоронном ритуале для носителей здесь является покойный, а не тот, в чью коллекцию попадет снимок и кто будет его потом показывать» [там же, с. 350]. Сохранение указанных отличий объясняется ритуальной традиционностью и регламентированностью похоронной фотографии в России [там же].

А.Д. Соколова на полевом материале, собранном во Владимирской области, показывает, как в постсоветские десятилетия совершилась трансформация похоронного обряда [Соколова, 2011]. Основной акцент делается на том, что в рамках обряда перехода, описанного французским фольклористом и этнографом А. ван Геннепом (1873–1957), важная часть похорон происходит без покойника, пока тот находится в морге и после вскрытия транспортируется из морга к дому также без участия родственни-

ков [Соколова, 2011, с. 200]. Это объясняется появлением нового посредника, осуществляющего ритуальные услуги на коммерческой основе [там же, с. 201]. В статье описываются постсоветские сельские похороны, однако она рассматривается в нашем обзоре, так как автор указывает, что трансформация похоронного обряда, которая не удалась за десятилетия советской власти, совершилась в течение нескольких лет после распада СССР. Кроме того, автор упоминает основные вехи государственной политики в разработке новых социалистических обрядов с конца 1950-х годов: два все-союзных совещания в Москве (1964, 1978) и локальные совещания в Свердловске (1965), Баку (1965), Улан-Удэ (1966) [там же, с. 190]. Также автор касается причин слабой разработанности обрядовой стороны советских похорон: «Исключение составляли случаи смерти значимых для поселения лиц – революционеров, ветеранов войны, партийных функционеров, военных, председателей колхозов и т.п. В этих случаях при участии совета ветеранов, сельсовета или другой организации проводилась торжественная церемония прощания с траурным митингом на кладбище или около дома покойного, оркестром и оружейными залпами. В случае же смерти рядового колхозника, рабочего или служащего все заботы по организации и проведению похорон ложились на плечи его родственников. В этой ситуации традиционный похоронный обряд воспроизводился естественным образом» [там же, с. 192].

В статье В. Смолкин-Ротрок, которая может служить образцом академического текста, посвященного теме советской обрядности, показаны как смысловые, так и материальные (вещные) проблемы советской обрядности, в особенности относящиеся к частной жизни и еще уже – к похоронам [Смолкин-Ротрок, 2012]. Исследовательница отмечает, что советский опыт модернизационного замещения утраченных религиозных смыслов оказался неудачным: «советское государство просто не знало, как хоронить обыкновенных смертных граждан» [там же, с. 459]. Автор указывает: «обряд, ритуал был камнем преткновения в решении главного вопроса, который не давал покоя идеологам советского проекта с самого его основания: *что* следует отбросить и *что* оставить в ходе революционного порыва к тотальной трансформации общества, культуры и самой человеческой природы?» [там же, с. 431]. Часть статьи написана на украинском материале, где с 1971 г. ве-

лась специальная проработка вопроса, устанавливались последования семейно-бытовых обрядов рождения, бракосочетания и похорон [Смолкин-Ротрок, 2012, с. 451]. Автор приводит данные 1970-х годов: «В 1978 г. в Украине существовало 16 Домов траура, 377 ритуальных площадок, 414 ритуальных бюро. <...> ...но в то время как доля религиозных отпеваний снизилась с 53,2% в 1972 г. до 48% в 1978, только 16,5% похорон проводились по “социалистическому” обряду» [там же, с. 453]. Публичные праздники приживались, но что касалось частной жизни, то здесь правила и рекомендации, идущие сверху, работали плохо. И если свадьбу удалось советизировать, то религиозный смысл похорон оставался проблемой. Чем можно объяснить маргинализацию вопросов смерти и похорон советскими властями? «Даже во время дискуссий вокруг новой обрядности вообще, обсуждение смерти и похорон чаще всего ставились на последнее место, хотя в то же самое время было осознано, что этот болезненный вопрос не мог продолжать оставаться без ответа», – отмечает В. Смолкин-Ротрок [там же, с. 454]. Автор обращает внимание на организационный аспект проблемы: «Если обряды, связанные с браками и рождениями, проводились местными исполкомами и ЗАГСами, похоронами чаще всего занимались органы коммунального хозяйства, через которые они и финансировались» [там же, с. 455–456]. Разрушение традиционного похоронного обряда, сопровождаемого институтом церкви, породило большие вопросы: «Более всего идеологов “советской смерти” беспокоило отсутствие местных “кадров” – адекватно подготовленных чиновников, наделенных определенной харизмой и обладающих авторитетом среди местного населения – тех, кто мог похоронить “советского человека” со смыслом и достоинством» [там же, с. 458]. Судя по характеристикам и описаниям общественного запроса, это фигура священника, отсутствие которой было практически нерешаемой проблемой для похоронного обряда советской эпохи.

В статье Е. Жидковой делается обзор советской гражданской обрядности с акцентом на свадебных обрядах, т.е. обрядах торжественной регистрации брака, созданных в начале 1960-х годов: «...пришло осознание, что необходимо предложить советскому гражданину что-то взамен объявленных отжившими религиозных праздников» [Жидкова, 2012, с. 408]. Общие замечания проиллю-

стрированы эмпирическими материалами города Куйбышева. Автор отмечает специфическое положение похорон в ряду других советских ритуалов. Главные трудности по переосмыслению или созданию обрядов испытывали похороны. Приведем обширную цитату из яркого и иллюстративного рассуждения автора: «Если похороны статусных людей (ветеран, участник, член партии) проходили в форме митинга с элементами военного церемониала, то в отношении простых людей было много неясного: как должна выглядеть гражданская панихида, что из себя представлять, как проходить? Коммунистов регулярно отчитывали и прорабатывали на собраниях за незнательность при совершении похоронных обрядов по религиозному канону, но взамен отказа от религиозной символики – без попов, без икон, без молитв, без отпеваний – ничего не предлагалось. Вопрос “Как должен вести себя коммунист, когда умирают верующие родители и завещают хоронить их по религиозному обряду?” входил в число рядовых, задаваемых на собраниях. Попытки что-то изобрести вылились в невнятный “день поминовения умерших”, впервые и единожды прошедший в Куйбышеве 11 июня 1965 г. На городском кладбище состоялся митинг с возложением венков и цветов. Справка гласила: “Налажена продажа цветочной рассады, красок”» [Жидкова, 2012, с. 416].

Сборник «Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре» объединяет советский и постсоветский периоды [Memento Mori, 2015]. Во вступительной статье А.Д. Соколова и А.Б. Юдкина отмечают значимость институциональных факторов («государства, церкви и сельской общины»), воздействующих на похоронный обряд [Соколова, Юдкина, 2015, с. 6]. Материалы сборника формируют необходимый фон для понимания похоронных традиций в современной культуре постсоветских регионов, однако специально похоронных советских обрядов не касаются.

С 2015 по 2018 г. вышло шесть выпусков российского журнала «Археология русской смерти». Тема советской похоронной обрядности появляется в двух интервью и трех статьях (соответственно в первом, втором и пятом выпусках). Так, в интервью с С. Каном главный редактор журнала С. Мохов называет обезличенность ключевым моментом для советского общества в отношении к смерти рядовых граждан: «Удивительное дело, как советские войска хоронили своих солдат – в общие огромные могилы.

Даже не могилы, а рвы. Без опознавательных знаков, без права на имя. Никакого подвига конкретного солдата. Все обезличено – 28 панфиловцев (даже несмотря на абсолютную фальсификацию этой истории), неизвестный солдат, павшие герои – даже в дискурсе отсутствует хоть какое-то указание на личность человека» [Кан, Мохов, 2015, с. 20–21].

В своей статье С. Мохов продолжает эту мысль и описывает крайние формы советских похорон – погребение заключенных лагерей, воспринимаемых в качестве врагов и потому лишенных права на коммеморацию: «захоронение в ямы, в снег, без гроба, без одежды, без надгробия и без какой-либо другой символически нагруженной атрибутики. <...> Это именно сухая утилизация сложившихся механизмов» [Мохов, 2015, с. 164–165].

Американская исследовательница Нина Тумаркин в интервью отмечает, что смерть для русской и советской культур особенно важна: «...смерть – это основная категория культуры поминовения, которая является в свою очередь основой советской культуры» [Тумаркин, Мохов, 2016, с. 15]. При этом данная категория разделена надвое: «большую часть советской эпохи образ смерти имел дихотомическую структуру: с одной стороны, смерть героя была всегда на виду, всегда была публичной, а с другой – смерть простых граждан была максимально скрыта и целиком вытеснена в поле приватного» [там же, с. 13]. Интересно описание впечатлений Н. Тумаркин от посещения похорон И. Баллод, дочери Николая Бухарина, в 1987 г.: «Меня поразил светский характер похорон. Мне кажется, очень нетипичен для советской культуры скорби и того, что я читала об этом ранее. Мне всегда нравилась практика частого посещения могил, распитие напитков и легкая трапеза прямо на местах захоронений. Это выстраивает какие-то совершенно особые, интимные отношения между мертвыми и живыми. Для меня как для американки также весьма удивительно повсеместное присутствие фотографий на надгробиях. У нас такого совсем нет. Это тоже очень сильно визуализирует умерших и включает их в общий культурный ландшафт» [там же, с. 21].

Казанский историк С.Ю. Малышева в своей статье рассматривает «особенности презентации смерти в советской официальной культуре, роль мортального дискурса в складывании ее особенностей» [Малышева, 2016 а, с. 27], что позволяет «говорить о

танатологичности как об одной из ее характерных особенностей» [Малышева, 2016 а, с. 25].

Завершим рассмотрение материалов журнала «Археология русской смерти», посвященных теме советской похоронной обрядности, статьей А. Селивановой о становлении социокультурного смысла проекта первого российского крематория, функционировавшего в Москве с 6 октября 1927 г. до 1970-х годов: «Строгая функциональная архитектура, близкая “ребристому” стилю рационального модерна или американскому ар-деко, стала в итоге выразителем идеи советского стерильного погребения» [Селиванова, 2017, с. 112]. Тем самым альтернативные советские похороны, важным элементом которых стал советский крематорий, носили черты не традиционализма или авангардизма, а строгого функционализма.

Еще одна статья С.Ю. Малышевой посвящена отражению властных структур в советской смерти, включая кладбища [Малышева, 2016 б]. В статье две части: «Равенство и коммунальное общежитие “за заставой смерти”» и «Складывание новых иерархий на “территории смерти”». Автор пишет, что конструирование новой советской идентичности «имело вполне прозрачные параллели и в пространствах смерти – на кладбищах и в единственном на протяжении десятилетий до начала 1970-х годов постоянно действовавшем крематории Советской России – Московском крематории (1927)» [там же, с. 182]. Автор отмечает символическую мешанину в советских кладбищах, сочетающую «азы марксистко-ленинской идеологии, но и религиозные представления и перенятые от предыдущих поколений родственников повседневные практики, и основанные на собственном опыте практики “здорового смысла”» [там же, с. 200].

Кроме того, С. Малышева отмечает важную тему, которая и на наш взгляд требует отдельного фокуса и отдельного исследования: «роль воинских захоронений периода Великой Отечественной войны, их символики в “перезагрузке” и наполнении советской идентичности новыми, неформальными, глубоко эмоциональными значениями, в сотворении и цементировании памяти советского народа как нации» [там же, с. 202]. Действительно, данная тема является перспективной не только для социальных исследований

обряда похорон, но и в рамках *memory studies* и изучения проблем социальной и национальной идентичности.

Статья Е.В. Гиголаевой [Гиголаева, 2019] касается судьбы городских кладбищ в первое десятилетие советской власти и имплементации крематориев в городское пространство. Отказ от религиозных традиций привел к заимствованию традиций кремации: «...в СССР она была симбиозом западных идей и идеологии борьбы с церковью» [там же, с. 187]. В целом данные попытки оказались неудачными: «...с началом эпохи репрессий в СССР энтузиазм сошел на нет» [там же]. Статья имеет ценный градостроительный ракурс, в ней описываются «кладбищенский менеджмент и проблемы функционирования крематориев и кладбищ с точки зрения встраивания в городское пространство» [там же, с. 180].

Таким образом, представленный перечень статей показывает, что русскоязычные исследования советской похоронной обрядности содержат значительный и интересный материал. В них, однако, не часто представлены статистические и количественные данные. Большей частью это качественные исследования, в основном исторические, антропологические и социологические. Впрочем, в эпоху междисциплинарности и примата темы над методологической узостью это объяснимый и понятный факт. Публикации, приведенные в обзоре, представляют исследователю множество релевантной фактографии, дают возможность ставить и формулировать новые вопросы и проблемы. К числу существенных направлений дальнейших исследований отнесем: вопросы хронологии и в целом начало 1960-х годов как время активизации в выработке новых советских обрядов; проблемы (не) вписанности советских кладбищ в городское пространство; советскую альтернативу похоронной обрядности (практики кремации); различия сельских и городских похоронных традиций; проблемы отношения советской идеологии к смерти рядовых граждан; обезличенность военных захоронений; региональные различия советской похоронной обрядности; различия похоронных традиций в СССР и в развитых странах. Требуется объяснения и общая проблема специфичности работы советской идеологии с темой смерти и обрядом похорон, а именно их маргинализация и некая «брезгливость» по отношению к ним. Любая традиция стремится к сохранению и воспроизводству. Так, В.Е. Добровольская указывает на «сохран-

ность похоронных ритуалов в большинстве регионов России, а также в русских анклавах за рубежом» [Добровольская, 2013, с. 112]. Поэтому интересна также проблема сохранения различных элементов советской похоронной обрядности в постсоветское время.

Список литературы

Антониус Р. Антропология смерти в XXI веке : обзор литературы // Археология русской смерти. – 2016. – № 2. – С. 232–239.

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – Москва : Прогресс, 1992. – 526 с.

Байбурин А.К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности // Труды факультета этнологии. – 2001. – № 1. – С. 96–105.

Бойцова О.Ю. «Не смотри их, они плохие» : фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 327–352.

Герц Р. Смерть и правая рука / пер. с фр. И. Куликова. – Москва : ARS PRESS, 2019. – 264 с.

Гиголаева Е.В. Советская похоронная индустрия в 1920-е годы : новый быт в контексте западных градостроительных идей // Россия и современный мир. – 2019. – № 2. – С. 178–189.

Добровольская В.Е. Кладбище как место встречи живых и мертвых : правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России // Slověne = Словѣне: international j. of Slavic studies. – 2013. – № 1. – С. 111–122.

Еремеева С. То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. – 2015. – № 1. – С. 32–50.

Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 3/4. – С. 408–429.

Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд / отв. редакторы В.В. Иванов, Л.Г. Невская. – Москва : Наука, 1990. – 256 с.

Кан С., Мохов С. Интервью-дискуссия : «death studies и западная антропология» // Археология русской смерти. – 2015. – № 1. – С. 10–30.

Лексин В.Н. Умереть в России // Мир России: социология, этнология. – 2010. – Т. 19, № 4. – С. 124–161.

Мальшева С. Красный Танатос : некросимволизм советской культуры // Археология русской смерти. – 2016 а. – № 2. – С. 22–46.

Мальшева С.Ю. Врезано в камень, врезано в память : (вос) производство советской идентичности в пространствах смерти // Диалог со временем. – 2016 б. – № 54. – С. 181–206.

Мифология смерти : структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири / под ред. Л.Р. Павлинской. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 279 с.

Мороз А.Б. Странствия души на том и этом свете : современная севернорусская традиция // *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej* / ed. przez. E. Masłowska, D. Pazio-Wlazłowska. – Warszawa : Instytut slawistyki Polskiej akademii nauk, 2016. – Т. 1 : Dusza w oczach swiata. – S. 435–454.

Мохов С. «Вот и еще один безымянный лег в мерзлую землю» : похороны и телесность в ГУЛАГе // *Археология русской смерти.* – 2015. – № 1. – С. 149–166.

Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии : от средневековых погостов до цифрового бессмертия. – Москва : Common place, 2018. – 360 с.

Мохов С. История смерти : как мы боремся и принимаем. – Москва : Индивидуум, 2020. – 232 с.

Мохов С. Археология русской смерти : этнография похоронного дела в современной России. – Москва : Common place, 2021. – 192 с.

Русская философия смерти : антология / сост. К.Г. Исупов. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 663 с.

Седакова О.А. Поэтика обряда : погребальная обрядность восточных и южных славян. – Москва : Индрик, 2004. – 319 с.

Селиванова А. От романтики к функции : архитектура для «огненных похорон» : конкурс на первый московский крематорий // *Археология русской смерти.* – 2017. – № 2. – С. 98–113.

Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти : материальное и духовное в атеистической космологии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* – 2012. – № 3/4. – С. 430–463.

Соколова А.Д. Похороны без покойника : трансформации традиционного похоронного обряда // *Антропологический форум.* – 2011. – № 15. – С. 187–204.

Соколова А.Д., Юдкина А.Б. Введение // *Memento Mori : похоронные традиции в современной культуре* / сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина ; отв. ред. Д.В. Громов. – Москва : ИЭА РАН, 2015. – С. 5–9.

Тумаркин Н., Мохов С. Интервью с Ниной Тумаркин : о культе Ленина и советской культуре смерти // *Археология русской смерти.* – 2016. – № 1. – С. 10–21.

Memento Mori : похоронные традиции в современной культуре / сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина ; отв. ред. Д.В. Громов. – Москва : ИЭА РАН, 2015. – 294 с.